

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ / HISTORY OF RUSSIA

УДК 94(47).083

Дата поступления (Submitted) 08.10.2018

Дата принятия к печати (Accepted) 02.11.2018

DMITRIY ANDREEVICH BARINOV

*Ph.D. in History, Researcher,
Institute of History, Saint Petersburg State University.
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Mendeleevskaya line, 5.
E-mail: barinovdima1990@yandex.ru*

IVAN PAVLOVICH PETUKHOV

*Senior Researcher, the State Museum of Political History of Russia.
197046, Russian Federation, Saint Petersburg, Kuibysheva St., 2–4.
E-mail: ivanpet1007@mail.ru*

The Socialist Revolutionaries and Student Movement in the Russian Empire (the late 19th – early 20th centuries)

The article examines the Socialist Revolutionary Party and its predecessors' attitude to such important fact of Russian social and political life in the late 19th – early 20th centuries as a student movement. The authors note that the Socialist Revolutionaries highly appreciated the role of students and intelligentsia in the Russian revolutionary movement. Close attention to the student movement and government policy regarding the higher school in the party publications confirmed it. The article provides a review of the Socialist Revolutionaries' journalistic activities on these topics. The Socialist Revolutionaries aimed to give the student movement the political direction and include it in the general flow of the revolutionary movement in Russia. According to their opinion, one of the main tasks of the student movement was to prepare revolutionary fighters. Scrutinizing the polemics of the Socialist Revolutionaries and Social Democrats on the student movement, the authors come to the conclusion that the Socialist Revolutionaries attached significance to it as an independent phenomenon.

Keywords: *Socialist Revolutionary Party, Socialists-Revolutionaries, the SRs, revolutionary movement, student movement, history of the higher school.*

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ БАРИНОВ

*Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
E-mail: barinovdima1990@yandex.ru*

ИВАН ПАВЛОВИЧ ПЕТУХОВ

*Старший научный сотрудник,
Государственный музей политической истории России.
197046, Россия, Санкт-Петербург, ул. Куйбышева, 2–4.
E-mail: ivanpet1007@mail.ru*

В статье исследуется отношение Партии социалистов-революционеров и ее предшественников к такому важному явлению общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX вв., как студенческое движение. Авторы отмечают, что социалисты-революционеры высоко оценивали роль студенчества и интеллигенции в российском революционном движении. Это подтверждается пристальным вниманием, которое уделялось студенческому движению и правительственной политике в отношении высшей школы на страницах эсеровских изданий. В статье приводится обзор публицистической деятельности эсеров по этим темам. Социалисты-революционеры стремились придать студенческому движению политический характер и включить его в общий поток революционного движения в России. Одну из главных задач студенческого движения они видели в подготовке революционных борцов. Исследуя полемику эсеров и социал-демократов по вопросам студенческого движения, авторы приходят к выводу, что эсеры придавали ему более самостоятельное значение.

Ключевые слова: *Партия социалистов-революционеров, социалисты-революционеры, эсеры, революционное движение, студенческое движение, история высшей школы.*

Социалисты-революционеры и студенческое движение в Российской империи (конец XIX – начало XX вв.)*

Заведующий Особым отделом Департамента полиции Л.А. Ратаев, обеспокоенный размахом и постоянством студенческого движения, писал в июне 1902 г.: «Осень не за горами, а с нею возникновение брожения среди молодежи, лихорадочная деятельность подпольных организаций, усугубленная расцветом «модной» группы социалистов-революционеров и т. п.» [цит. по: 1, с. 84]. Действительно, студенческое движение на рубеже XIX–XX вв. было одним из важных факторов общественно-политической жизни страны. Но если деятельность социал-демократов в студенческой среде и их отношение к студенческому движению довольно подробно изучены (во многом благодаря советской историографии), то аналогичные моменты в истории упомянутых в цитате социалистов-революционеров (эсеров) исследованы значительно меньше. Задачи настоящей статьи заключаются в том, чтобы рассмотреть, как Партия социалистов-революционеров (ПСР) и ее предшественники оценивали роль студенчества и интеллигенции в целом в российском революционном движении, осветить отражение студенческого движения и правительственной политики в отношении высшей школы на страницах эсеровских изданий, а также раскрыть подход эсеров к студенческому движению в Российской империи конца XIX – начала XX вв.

Как известно, социалисты-революционеры постулировали в своих программных документах единство интересов всех частей трудящегося народа – пролетариата, трудового крестьянства и трудовой (социалистической) интеллигенции, возглавить борьбу которых против самодержавия должна была революционная партия [2, с. 40–45, 113, 123; 3, с. 5, 17; 4, с. 179–180]. При этом в начальный период истории ПСР (вплоть до крестьянских волнений 1902 г.) многие ведущие эсеровские деятели выражали серьезный скепсис по поводу перспектив работы в крестьянстве. Этот факт из истории партии, которая часто ассоциируется именно с защитой крестьянских интересов, был отмечен в научной литературе [5, с. 28–29; 6, с. 403].

В этой связи приобретала еще большее значение работа среди интеллигенции. Эсеры отводили ей важнейшую роль в общественной жизни и освободительном движении в России. Интеллигенция представлялась им органически противостоящей самодержавию и антибуржуазной по своей сути [4, с. 180]. Исследователи подчеркивают, что эсеры рассматривали ее как категорию не только социальную и экономическую, но и идеологическую, в духе «критически мыслящих личностей» по П.Л. Лаврову. По мысли лидера и теоретика ПСР В.М. Чернова, в конкретных исторических условиях России в раз-

витии капитализма преобладали отрицательные стороны. В результате русская буржуазия оказалась лояльной к царизму, а ключевой оппозиционной силой стала интеллигенция [7; 8, с. 66; 9, с. 29–30]. Особую роль интеллигенции эсеры отстаивали и в споре с социал-демократами по вопросу о движущих силах социалистического движения [10].

Отметим, что эсерами отдельно выделялась нетрудовая, либеральная интеллигенция [6, с. 403], по отношению к которой должна была вестись более осторожная политика, предполагавшая поддержку лишь тех ее выступлений, что не противоречили программе партии. Основная же часть интеллигенции представлялась народническим организациям рубежа XIX–XX вв. их основной социальной базой. Так, в программном документе Союза социалистов-революционеров, составленном в 1896 г. и опубликованном в 1900 г. под названием «Наши задачи», интеллигенция указывалась на первом месте в списке слоев населения, среди которых должна вестись работа организации (следом шли пролетариат и крестьянство). Согласно документу, именно в демократических слоях интеллигенции, «вместе с передовым отрядом промышленного пролетариата», формируется «ядро революционной партии». Далее шло уточнение, что «среди интеллигенции особенное внимание партия обращает на учащуюся молодежь как наиболее восприимчивую к социально-революционным идеям» [2, с. 22]. Схожие мысли звучали в документах других организаций, вскоре вошедших в состав ПСР: «Манифесте Партии социалистов-революционеров» (1900 г.), брошюре Рабочей партии политического освобождения России «Свобода» (Минск, 1900 г.) [2, с. 31, 38–39] и других.

На рубеже XIX–XX вв. численность обучающихся в высших учебных заведениях России быстро росла: если в 1897 г. насчитывалась 31 тыс. студентов, то в 1907/1908 учебном году – уже 83 тыс. [11, с. 6, 173–174]. Социальный состав студенчества постепенно демократизировался, прежде всего, за счет выходцев из семей чиновников, духовенства, интеллигенции, торговцев. При этом материальное положение значительной части российских студентов было довольно тяжелым. Другой серьезной проблемой были многочисленные правовые ограничения, включая запрет любой коллективной деятельности студентов [11; 12, с. 14–22; 13, с. 5–33; 14, с. 109–112; 15, с. 28–36]. Эти факторы способствовали развитию массового студенческого движения, принимавшего всё более оппозиционную по отношению к самодержавию направленность. Пики его приходится на всероссийские студенческие забастовки 1899, 1901 и 1902 гг. [12, с. 25–94, 119–137; 14, с. 118–135; 16]. По мнению жандармского генерала А.И. Спиридовича

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-5118.2018.6 (Высшая школа Российской империи как центр формирования политических элит (1884–1917 гг.)).

ча, всплеск студенческих волнений и последовавшее за ним в начале XX в. широкое оппозиционное движение подтолкнули разрозненные народнические организации к объединению в ПСР [17, с. 17].

На страницах центрального печатного органа ПСР – газеты «Революционная Россия» – подробно сообщалось о ходе студенческого движения в России. С этой целью в газете была выделена специальная рубрика «Хроника студенческого движения» (с № 22 – «Хроника академического движения»), в которой не только освещались протестные события в вузах страны, но и публиковались документы различных студенческих групп и организаций (см. № 5, 14, 15, 19, 22, 23, 36, 37, 39, 41).

Студенческие волнения находили отклик и в отдельных изданиях. В брошюре «Свобода» упоминалось, что «в столице среди белого дня студенты избиваются казацкими нагайками...» [2, с. 34]. Эта фраза явно отсылала читателя к жесткому разгону демонстрации студентов Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1899 г., приведшему к началу первой всероссийской студенческой забастовки [14, с. 120–121].

Эсеры подробно рассматривали и подвергали критике политику властей в отношении учебных заведений. Особое их негодование вызвала попытка самодержавия задавить нараставшее студенческое движение с помощью «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих за учинение скопом беспорядков», принятых в 1899 г. Подготовка войск к принятию исключенных из вузов студентов рассматривалась уже в № 1 «Революционной России», вышедшем в 1900 г. В начале 1901 г. в солдаты принудительно были отданы 183 студента Киевского и 27 студентов Санкт-Петербургского университета [18, с. 200–201]. Неудивительно, что одним из главных героев для эсеров стал П.В. Карпович, который 14 февраля 1901 г. в отместку за эти действия совершил покушение на министра народного просвещения Н.П. Боголепова.

Не меньше внимания было уделено разоблачению «Временных правил организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях», принятых в конце 1901 г. при новом министре народного просвещения генерале П.С. Ванновском. Новые «Временные правила» формально позволяли коллективные собрания студентов, но лишь под наблюдением и председательствованием назначаемых университетским начальством лиц, определявших круг обсуждаемых вопросов. В то же время в отношении студенчества был издан ряд ограничительных распоряжений [14, с. 109–110]. Со страниц «Революционной России» «Временные правила» характеризовались как уловка правительства, вызванная размахом студенческих волнений (см. № 3, с. 2; № 5, с. 5). Вынужденной уступкой и призраком свободы они назывались и в брошюре «Реформа генерала Ванновского». Протестуя против вторжения военщины в сферу образования, ее автор несколько преувеличил число студентов, отданных в солдаты

[19, с. 14]. «Революционная Россия» сообщала, что брошюра распространялась Киевским и Екатеринославским комитетами ПСР (см. № 3, с. 10; № 12, с. 20). Согласно опубликованному в газете отчету об издательской деятельности партии за 1902 г., «Реформа генерала Ванновского» была издана тиражом 2 тыс. экз. Еще одна брошюра по студенческому вопросу – «Отчего студенты бунтуют» – вышла тиражом 1 тыс. экз. (см. № 16, с. 18–19). Кроме того, в газете упоминалось не менее трех отдельных прокламаций по поводу «Временных правил» (см. № 4, с. 10). После увольнения Ванновского объектом критики эсеров тут же стал его преемник Г.Э. Зенгер.

В центре внимания эсеровских публицистов постоянно находились репрессии в отношении студенчества. В одной из прокламаций власти обвинялись в превращении университетов в «дворы для постоя солдат и полиции» [20, с. 1]. «Превращение казарм в университеты и университетов в казармы есть тоже одна из «славных традиций» русского самодержавия», – писал в 1903 г. В.М. Чернов [21, с. 42]. На страницах «Революционной России» в корреспонденциях с мест, рубриках «Из-за решетки», «Хроника правительственных репрессий», «Хроника обысков и арестов», «Хроника революционной борьбы» студенты регулярно упоминались в числе пострадавших за политические убеждения. Особое внимание было уделено студентам, сосланным в Сибирь, и поездке туда товарища министра внутренних дел и шефа жандармов П.Д. Святополк-Мирского с целью уговорить их подать прошения о восстановлении в университетах (см. № 9, 11, 12 и 14). Этот сюжет использовался для дискредитации властей, которым пришлось идти на уступки, и восхваления ссыльных, отказавшихся от подачи любых просьб.

Одним из способов разоблачающей агитации эсеров была публикация правительственных распоряжений репрессивного характера. Для этих целей в «Революционной России» была выделена рубрика «За кулисами правительственного механизма». Например, в № 7 была приведена целая подборка циркуляров Главного управления по делам печати за конец 1901 – начало 1902 гг., запрещавших упоминать в периодических изданиях о волнениях в учебных заведениях и обсуждать «Временные правила». Важной задачей газеты было противодействие начинаниям властей по мобилизации сторонников в вузах. Одной из тем критических публикаций была «зубатовщина» в академической сфере, то есть попытки создания лояльных властям академических организаций (см. № 4, 6). В связи с началом Русско-японской войны газета поместила несколько материалов, направленных против участия студентов в «холопских демонстрациях» патриотизма (см. № 41, 44).

«Революционная Россия» регулярно сообщала об изданиях местных партийных организаций, обращенных к студентам и учащейся молодежи в целом: Санкт-Петербургский комитет ПСР с ноября 1902 г. по май 1903 г. напечатал 3000 экз. прокламации к учащейся молодежи, а осенью 1903 г. подготовил на mimeографе в количестве 300 экз. листок «Несколько

слов к учащейся молодежи» (см. № 33, с. 20; № 37, с. 24); Киевский комитет ПСР осенью 1903 г. выпустил на гектографе прокламацию «К Киевскому студенчеству», а 1 декабря того же года издал прокламацию «К студентам университета» (см. № 35, с. 20; № 38, с. 22; № 39, с. 12, 21); Московская группа ПСР в ноябре 1903 г. издала обращение «К студенчеству», а в конце 1904 г. Московский комитет ПСР выпустил прокламацию «к учащейся молодежи» (см. № 39, с. 21; № 55, с. 22–23); Екатеринославский комитет ПСР в конце 1903 г. издал прокламации «К студентам г. Екатеринослава» и к учащимся (см. № 37, с. 24; № 38, с. 22–23; № 45, с. 21); Харьковский комитет ПСР в ноябре 1903 г. выпустил листок «К студентам г. Харькова» тиражом 1000 экз., а Харьковский союз рабочих социалистов-революционеров обратился к студентам в отдельной прокламации (см. № 39, с. 22; № 46, с. 22).

В конце 1904 – начале 1905 гг. в центре внимания эсеров вновь оказались репрессии властей против студентов. В «Революционной России» сообщалось, что Санкт-Петербургский комитет ПСР по поводу избияния демонстрантов в столице 28 и 29 ноября 1904 г. выпустил прокламацию «Ко всей России», а разгону демонстрации 5 декабря 1904 г. в Москве были посвящены две прокламации Московского комитета и листовка Калужской группы ПСР (см. № 55, с. 22–23; № 57, с. 23; № 58, с. 22–23). В списке распространяемой Тамбовским комитетом ПСР литературы упоминалась «Отправка студентов в Сибирь» (см. № 50, с. 21). Кроме того, Сибирский союз ПСР в это время переиздал статью «Студенчество и революция» из сборника «По вопросам программы и тактики» (см. № 59, с. 22).

Активно занимались издательской деятельностью и эсеровские студенческие группы. «Революционная Россия» информировала, что в конце 1903 г. Санкт-Петербургский студенческий союз социалистов-революционеров издал на mimeографе не менее десятка прокламаций, включая «Несколько слов к учащейся молодежи» (250 экз.), «Доклад студенческого съезда», листок «По поводу доклада студ. съезда» (см. № 38, с. 23; № 39, с. 21); в начале 1904 г. Санкт-Петербургская группа студентов социалистов-революционеров издала прокламацию по поводу «новой Якутской бойни», а Харьковская группа студентов эсеров издала «Дополнение к открытому письму к харьковским земцам» (см. № 46, с. 22); в середине 1904 г. столичный студенческий союз эсеров издал на mimeографе брошюру «Чиновная наука в союзе с царем» («по поводу патристического холопства российских профессорских коллегий»), а столичная группа студентов эсеров по вопросу о свободе печати издала прокламацию «Царская острота» (см. № 48, с. 22).

По самым скромным подсчетам, с конца XIX в. и до начала Первой российской революции социалистами-революционерами непосредственно по теме студенческого движения или в виде обращения к студентам было издано не менее 3 брошюр и двух десятков наименований прокламаций. Кроме того,

организации ПСР издали большое количество прокламаций «к учащимся», «к учащейся молодежи», «к обществу», «к интеллигенции» по вопросам, связанным с высшей школой, студенческим движением и репрессиями против студентов. Несколько десятков наименований листовок издали эсеровские студенческие группы. В «Революционной России» за 1901–1904 гг. было опубликовано не менее пяти программных статей по вопросам студенческого движения, а также несчетное количество описаний и упоминаний студенческих волнений в разных городах страны.

Подход эсеров к студенческому движению в общих чертах заключался в том, чтобы включить его в общий политический протест против самодержавия и подготовить в его рамках революционных борцов. В.М. Чернов вспоминал о своих позициях во время участия в общестуденческом съезде 1893 г.: «... постоянно связывать положение дел в университете с общим положением в России, твердить и твердить студенческой массе, что без общеполитического кризиса в России немислимо изменение к лучшему академических порядков, выждать благоприятного момента, когда можно будет выступить разом всем университетом, с шансами превратить это общеуниверситетское движение в общегражданское и даже народное – таков был наш лозунг» [цит. по: 22, с. 37]. Согласно «Нашим задачам», работа с учащейся молодежью должна была сводиться к двум направлениям: 1) воспитанию ее «в духе солидарности, гражданского мужества и умственного развития», что предполагало содействие распространению касс взаимопомощи, землячеств, библиотек, кружков, товарищеских судов и т.д.; 2) «пропаганде социалистических и революционных идей и привлечению молодежи к революционной деятельности» [2, с. 22]. В брошюре «Реформа генерала Ванновского» провозглашалось: «Нет университетской свободы вне свободы политической» [19, с. 24].

Особое значение эсеры придавали совместным действиям студентов и других слоев населения, прежде всего, рабочих. «Революционная Россия» сообщала об изданиях местных партийных организаций, выдержанных в этом духе. Так, в прокламациях Харьковского и Санкт-Петербургского комитетов ПСР, Одесской студенческой организации эсеров звучали призывы к студентам не уклоняться «от своей исторической миссии застрельщиков русской революции», поддерживать рабочих в их борьбе и возглавлять политическое движение на улицах городов (см. № 13, с. 23; № 19, с. 3; № 23, с. 19; № 59, с. 22). В выпущенной в Томске по поводу событий февраля 1903 г. прокламации «К обществу» звучал возглас о том, что, как ни ужасно избияние студентов, еще ужаснее молчание тысячной толпы, которая наблюдала его и не вмешалась (см. № 22, с. 19). Изданная в октябре 1903 г. прокламация Киевского комитета ПСР «К студенчеству» напоминала о его долге перед народом: «Вы можете получать знания, и вы должны делиться ими с трудовым народом. ... Но это знание обязывает к борьбе!» В ней также говорилось о том,

что «борьба за академическую свободу, неизбежная при самодержавии, переходит в борьбу за свободу всего народа. ... Студенчество должно быть готово поддержать, а в иных случаях и начать народное движение» (см. № 39, с. 21).

ПСР высоко оценивала роль студенческого движения в подъеме оппозиционных настроений в стране. Так, в докладе партии Амстердамскому конгрессу II Интернационала (август 1904 г.) оно упоминалось в числе факторов, подталкивавших развитие рабочего движения в России [2, с. 128].

В советской историографии большое значение придавалось полемике, развернувшейся по вопросам студенческого движения между социал-демократами и эсерами, причем последние неизменно подвергались острой критике. Начало спору положил всероссийский студенческий съезд 1902 г. Во втором параграфе своего манифеста он высказался за создание во всех вузах студенческих организаций, которые бы находились в сношениях с местными комитетами РСДРП. Эсеры опубликовали этот документ в № 5 «Революционной России» (март 1902 г.) и снабдили его предисловием, в котором отметили важное значение съезда, но высказались против партийной фракционности.

Вскоре в газете появилось несколько публикаций в развитие этой темы. Большая передовая статья в № 17 содержала краткий очерк истории студенческого движения в России. Эсеры припомнили социал-демократам, что представители «экономизма» высказывались против поддержки рабочими первых студенческих демонстраций. В статье одобрялись все решения студенческого съезда 1902 г., кроме второго параграфа манифеста. В пример приводился общестуденческий съезд 1893 г., поставивший задачи по развитию максимально широкого студенческого движения и выработки из числа его участников революционных борцов (без указания партии). Указывалось социал-демократам и на то, что студенческие годы – это время формирования убеждений, так что молодежи нужны условия для ознакомления с разными точками зрения [23].

В поддержку своей точки зрения эсеры опубликовали резолюцию Киевского союзного совета объединенных землячеств и организаций и Организационного комитета Киевского политехнического института. Киевляне в ней заявляли, что «...студенчество, как таковое, не может примыкать всецело ни к партии социалистов-революционеров, ни к социал-демократической. Студенчество, как таковое, представляет из себя источник, из которого вербуют себе членов, как обе указанные партии, так и другие революционные организации и группы» [24].

Пolemика между лидерами двух партий вскоре развернулась на страницах № 2–3 (вышедшего в сентябре 1903 г. и ставшего последним) «революционно-социалистического студенческого органа» «Студент». В.И. Ленин доказывал, что политическое размежевание внутри студенчества лишь отражает группировку политических сил всего общества. Если последовательные социалисты в классовом обще-

стве стремятся защищать интересы рабочего класса, то буржуазная демократия заинтересована в том, чтобы выдать свои классовые интересы за всеобщие, «беспартийные». Поэтому призыв эсеров к студенчеству «провозгласить свою солидарность с общеполитическим движением и совершенно отвлечься от фракционных раздоров в революционном лагере» Ленин назвал призывом «назад от социалистической к буржуазно-демократической точке зрения» в духе журнала «Освобождение». Однако решительный разрыв социал-демократов с представителями других взглядов, по его мнению, никак не означал «разрыва общестуденческих и образовательных организаций». Напротив, социал-демократы должны проникать в «возможно большее число» «чисто студенческих» кружков для пропаганды своей программы [25, с. 354–355].

Если Ленин выступил с полемической статьей, то Чернов прислал редакции «Студента» открытое письмо, в котором осветил историю студенческого движения 1890-х гг. и вспомнил о своем участии в общестуденческом съезде 1893 г. Он подверг критике главных противников политизации студенческого движения: «академистов» и социал-демократов-«экономистов» – сторонников «ультра-классовой» точки зрения, согласно которой сколько-нибудь единое студенческое движение вредно, ведь у студента-буржуа нет ничего общего со студентом-пролетарием. Особой гордостью студенчества он считал тот факт, что именно оно дало революции Карповича и С.В. Балмашёва, исполнителя первого террористического акта Боевой организации ПСР, убившего в апреле 1902 г. министра внутренних дел Д.С. Сипягина [21].

Позиция «Студента», поставившего перед собой задачи пропаганды идеи о зависимости свободы академической от свободы политической и «идейное и организационное объединение всего русского студенчества» [26, с. 6], была явно ближе к эсерам. Издание поддержало эсеров в их споре с «Искрой» по поводу принадлежности Балмашёва (его памяти был посвящен первый номер «Студента») к Боевой организации ПСР и мотивов его поступка. Если «Искра» пыталась представить Балмашёва одиночкой-заступником за студенчество, то эсеры подчеркивали, что он стрелял в Сипягина в силу решения Боевой организации ПСР, был ее членом и действовал в интересах революции вообще [27]. Кроме многочисленных публикаций в «Революционной России», этой теме было посвящено несколько отдельных эсеровских изданий [20, с. 22–24; 28].

Важные подробности истории «Студента» раскрывают воспоминания одного из его организаторов, будущего видного эсера-максималиста Г.А. Нестроева. Согласно этому источнику, инициаторами создания общестуденческого печатного органа были студенты разных вузов и течений. Из них в редакторский коллектив вошли эсер (Нестроев), двое сочувствующих эсерам (один из которых сразу отошел от дел) и двое социал-демократов. Таким образом, численного преимущества у эсеров в редакции не было. Более

того, главные «эсеровские» акты «Студента» эсерами не продавливались. Посвящение первого номера Балмашеву было сделано по просьбе киевлян, так как Балмашёв был студентом Киевского университета, а написал его и вовсе социал-демократ. Материал же по поводу спора о Балмашёве был написан Нестроевым, но единогласно одобрен всей редакцией в силу очевидного промаха «Искры» [29, с. 133, 135, 143].

По словам мемуариста, многие лидеры ПСР (Е.К. Брешко-Брешковская, С.Н. Слетов, Чернов) выразили сомнение в том, что дело общестуденческого органа пойдет. Сам же Нестроев исходил из того, что его требовал кризис студенческих организаций (землячеств, союзных советов и организационных комитетов), вызванный политизацией студенческого движения. Но когда в ноябре 1903 г. следующий общестуденческий съезд одобрил программу «Студента» и признал его общестуденческим органом, отток сил на партийные работы не позволил продолжить его издание [29, с. 142, 145–147].

Эсеры упрекали в этом оттоке социал-демократов. Так, в № 56 «Революционной России» от 5 декабря 1904 г. им было предъявлено обвинение в «ненужных распрях», «узком фракционном фанатизме» и срыве очередного общестуденческого съезда. Тут же был опубликован «Проект организации студенчества», составленный на частном совещании эсеров-делегатов съезда. Отвлечение студентов-социалистов на партийные дела, согласно документу, привело к тому, что не использовался оппозиционный потенциал основной массы студенчества. В проекте предлагался «тип землячеств общего характера», который помог бы исправить эту ситуацию. Устройство таких землячеств не предполагало упразднения каких-либо партийных студенческих групп. В следующем номере газеты сообщалось, что проект был отдельно издан Одесской студенческой организацией эсеров.

При рассмотрении полемики советские историки вслед за Лениным концентрировали внимание на идеологических разногласиях, отрицая за эсерами право называться последовательными социалистами, а значит, и руководить студенческим движением [12, с. 102]. Простая смена положительной оценки ленинского подхода на негативную [30, с. 185] мало что добавляет к пониманию противостояния. На наш

взгляд, продуктивно было бы учитывать и практические цели обеих партий. Социал-демократы не хотели отказываться от лидерства в студенческой среде, завоеванного ранее упорной работой. Социалисты-революционеры с 1893 г., конечно, сильно продвинулись в партийном самоопределении. Но в создавшихся в 1902 г. условиях им объективно была выгодна идея «многопартийности» студенческого движения. Ленин это использовал и перевел спор в идеологическое русло, где эсеры оказались уязвимы (ведь они, тоже ведя партийную работу, смешали вопрос о политическом выборе студенческих организаций с самим принципом их построения, чем подставились под критику за размытость своих принципов и союз с либералами) [25]. Известную скидку нужно делать и на партийную риторику: вряд ли оттягивание сил на партийные задачи было характерно лишь для социал-демократов и не относилось к самим эсерам. Кроме того, необходимо иметь в виду отсутствие единства в рядах эсеров и социал-демократов. Как показал случай «Студента», мнения в обеих партиях по многим вопросам отнюдь не ограничивались черновской и ленинской позициями.

Безусловно, позиция социал-демократов в отношении студенческого движения была более жесткой в «партийном» смысле. Однако необходимо подчеркнуть, что эсеры всегда делали ставку на придание студенческому движению политического и революционного характера, на руководящую роль в нем именно революционных элементов и на объединение его с движениями рабочим и крестьянским (а также террором) в единый революционный поток для нанесения общего, максимального по силе удара по самодержавию. Поэтому эсеров беспокоило снижение в 1903–1904 гг. [14, с. 130] размаха студенческого движения, которое имело для них, таким образом, более самостоятельное значение, чем для социал-демократов, что отмечал и их общий враг, жандармский генерал А.И. Спиридович [17, с. 19]. Ход революционных событий в России в конце XIX – начале XX вв. (интеллигенция, в том числе и студенты, как застрельщик и мозг революции, политические стачки пролетариата и, с весны 1902 г., массовое крестьянское движение) во многом соответствовал эсеровским представлениям, вылившись в 1905 г. в Первую российскую революцию.

Литература и источники

1. Краснов П.В. Деятели политического сыска России о студенческом движении 1899 – начала 1902 г. // Вестник Московского ун-та. Серия 8: История. 2007. № 6. С. 83–94.
2. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3-х тт. Т. 1: 1900–1917 гг. М.: РОССПЭН, 1996. 686 с.
3. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.
4. Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
5. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
6. Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2005. С. 401–413.
7. Хорос В.Г. Идеинные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980. 286 с.

8. Коновалова О. Преодоление народнических догм. В.М. Чернов о типах капиталистической эволюции // Свободная мысль – XXI. 2001. № 4 (1506). С. 58–69.
9. Картелёв И.Л. Взгляды эсеров на место и роль интеллигенции в революционном движении России в начале XX в. // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1 (57). С. 28–32.
10. Социал-демократы и социалисты-революционеры // Революционная Россия. 1903. 15 января. № 16. С. 1–5.
11. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-политическая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
12. Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М.: Мысль, 1971. 264 с.
13. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
14. Ушаков А.В. Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2011. 288 с.
15. Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М.: Наука, 1987. 239 с.
16. Морозова А.Ю. Коллекция студенческих листовок Отдела специальных коллекций ЦСПИ как источник по истории революционного движения в России // Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы научно-практической конференции Третьи Рязановские чтения (19 февраля 2016) / сост. И.Ю. Новиченко, Е.Н. Струкова, ред. Е.А. Лосева. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. С. 164–175.
17. Краснов П.В. Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 23 с.
18. Сушко В.Т. Репрессии против студентов в 1901 году // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 200–203.
19. [Гершуни Г.А.] Реформа генерала Ванновского. 2-е изд. [Б. м.]: Тип. Партии социалистов-революционеров, 1902. 24 с.
20. Памяти С.В. Балашева: сборник. [Женева]: Изд. и тип. Партии социалистов-революционеров, 1902. 40, 31 с.
21. Гарденин Ю. [Чернов В.М.] Открытое письмо редакции «Студента» // Студент. 1903. № 2–3. С. 37–44.
22. Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П., Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 368 с.
23. Студенчество и революция // Революционная Россия. 1903. 1 февраля. № 17. С. 1–4.
24. Письмо киевских студентов // Революционная Россия. 1902. Ноябрь. № 13. С. 13–14.
25. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1967. С. 341–356.
26. К читателям // Студент. 1903. 3 апреля. № 1. С. 2–7.
27. По поводу полемики «Искры» с «Революционной Россией» // Студент. 1903. 3 апреля. № 1. С. 16–18.
28. Партия социалистов-революционеров. Заявление по делу 2-го апреля. [Б. м.]: [б. и.], [1903]. 12 с.
29. Нестроев Г. К истории студенческого движения в России. 1902–1903 // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1926. № 7–8 (28–29). С. 131–147.
30. Олесич Н.Я. Политико-психологические основания молодежного политического экстремизма: исторический аспект // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 4. С. 183–187.

References

1. Krasnov P.V. *Deyateli politicheskogo syska Rossii o studencheskom dvizhenii 1899 – nachala 1902 g.* [Figures of the political investigation of Russia about the student movement of 1899 – early 1902]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of the Moscow University. Series 8: History], 2007, no. 6, pp. 83–94.
2. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy* [Socialist Revolutionary Party. Documents and materials], vol. 1: 1900–1917. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 686 p.
3. Morozov K.N. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Socialist Revolutionary Party in 1907–1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 624 p.
4. *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'* [Political parties of Russia: history and modernity]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 631 p.
5. Leonov M.I. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg.* [Socialist Revolutionary Party in 1905–1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 512 p.
6. Leonov M.I. *Partiya eserov: seredina 90-kh godov XIX veka – 1907 god* [Socialist Revolutionary Party: mid-90s of the 19th century – 1907]. *Politicheskie partii v rossiyskikh revolyutsiyakh v nachale XX veka* [Political parties in the Russian revolutions in the early twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 401–413.
7. Khoros V.G. *Ideinye techeniya narodnicheskogo tipa v razvivayushchikhsya stranakh* [Ideologies of the populism type in developing countries]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 286 p.
8. Konovalova O. *Preodolenie narodnicheskikh dogm. V.M. Chernov o tipakh kapitalisticheskoi evolyutsii* [Overcoming the populism dogmas. V.M. Chernov on the types of capitalism evolution]. *Svobodnaya mysl' – XXI* [Free thought – XXI], 2001, no. 4 (1506), pp. 58–69.
9. Kartel'ev I.L. *Vzglyady eserov na mesto i rol' intelligentsii v revolyutsionnom dvizhenii Rossii v nachale XX v.* [Views of the Socialist Revolutionaries on the place and role of the intelligentsia in the revolutionary movement of Russia at the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2014, no. 1 (57), pp. 28–32.
10. *Sotsial-demokraty i sotsialisty-revolutsionery* [Social Democrats and Socialist Revolutionaries]. *Revolutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], 1903, January 15, no. 16, pp. 1–5.
11. Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-politicheskaya sud'ba* [Students of Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century: socio-political fate]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 414 p.
12. Gussyatnikov P.S. *Revolutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii. 1899–1907* [Revolutionary student movement in Russia. 1899–1907]. Moscow, Mysl' Publ., 1971, 264 p.
13. Leikina-Svirskaia V.R. *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godakh* [Russian intelligentsia in 1900–1917]. Moscow, Mysl' Publ., 1981, 285 p.
14. Ushakov A.V. *Intelligentsiya i rabochie v osvoboditel'nom dvizhenii Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka* [Intelligentsia and workers in the liberation movement of Russia. The end of the 19th – early 20th century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2011, 288 p.
15. Shchetinina G.I. *Studenchestvo i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii. Poslednyaya chetvert' XIX v.* [Students and the revolutionary movement in Russia. The last quarter of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 239 p.
16. Morozova A.Yu. *Kollektsiya studencheskikh listovok Otdela spetsial'nykh kolektsii TSSPI kak istochnik po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Collection of student leaflets of the Department of Special Collections of the Central Historical and Cultural Institute as a source on the history of the revolutionary movement in Russia]. *Predvarayaya Revolyutsiya: knizhnye, arkhivnye i muzeinye kolektsii*

materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Tret'i Ryazanovskie chteniya (19 fevralya 2016) [Preceding the Revolution: book, archival and museum collections: materials of the scientific-practical conference. Third Ryazanov Readings (February 19, 2016)]. Moscow, State Public Historical Library in Russia Publ., 2017, pp. 164–175.

17. Krasnov P.V. *Departament politsii MVD i studencheskoye dvizheniye v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Police Department of the Ministry of Internal Affairs and the student movement in Russia in the late 19th – early 20th century: Thesis of the Ph.D. hist. diss.]. Moscow, 2008, 23 p.

18. Sushko V.T. *Repressii protiv studentov v 1901 godu* [Repressions against students in 1901]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1972, no. 4, pp. 200–203.

19. [Gershuni G.A.] *Reforma generala Vannovskogo* [Reform of General Vannovsky], 2nd edition. [S.I.], Party of Socialist Revolutionaries Publ., 1902, 24 p.

20. *Pamyati S.V. Balmasheva: sbornik* [In memory of S.V. Balmashyov: Collection]. [Geneva], Party of Socialist Revolutionaries Publ., 1902, 40, 31 p.

21. Gardenin Yu. [Chernov V.M.]. *Otkrytoe pis'mo redaktsii «Studenta»* [Open letter to the editorial board of *Student*]. *Student*, 1903, no. 2–3, pp. 37–44.

22. Avrus A.I., Goloseeva A.A., Novikov A.P. *Viktor Chernov: sud'ba russkogo sotsialista* [Viktor Chernov: the fate of the Russian socialist]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2015, 368 p.

23. *Studenchestvo i revolyutsiya* [Students and Revolution]. *Revolutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], 1903, February 1, no. 17, pp. 1–4.

24. *Pis'mo kievskikh studentov* [The letter of Kiev students]. *Revolutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], 1902, November, no. 13, pp. 13–14.

25. Lenin V.I. *Zadachi revolyutsionnoi molodezhi* [Tasks of Revolutionary Youth]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], 5th edition, vol. 7. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1967, pp. 341–356.

26. *K chitatel'nyam* [To readers]. *Student*, 1903, April 3, no. 1, pp. 2–7.

27. *Po povodu polemiki «Iskra» s «Revolutsionnoi Rossiei»* [Concerning the polemics of *Iskra* with *Revolutionary Russia*]. *Student*, 1903, April 3, no. 1, pp. 16–18.

28. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Zayavleniye po delu 2-go aprelya* [Socialist Revolutionary Party. Statement on the case of April 2]. [S.I.], [s.n.], [1903], 12 p.

29. Nesterov G. *K istorii studencheskogo dvizheniya v Rossii. 1902–1903* [On the history of the student movement in Russia. 1902–1903]. *Katorga i ssylka. Istoriko-revolutsionnyi vestnik* [Hard labor and exile. Historical and revolutionary bulletin], 1926, no. 7–8 (28–29), pp. 131–147.

30. Olesich N.Ya. *Politiko-psikhologicheskie osnovaniya molodezhnogo politicheskogo ekstremizma: istoricheskiy aspekt* [Political and psychological foundations of youth political extremism: a historical aspect]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy], 2009, no. 4, pp. 183–187.

© Клио, 2018

© Баринов Д.А., Петухов И.П., 2018